

Симулякры о психозе Гоголя

У статті аргументовано обґрунтовується бездоказовість на-в'язаної суспільству думки про психопатологічний стан Гоголя.

Ключові слова: психопатологія, душевнохворий, психіатричні інтерпретації, бездоказовість.

В статье аргументировано обосновывается бездоказательность навязанного обществу мнения о психопатологическом состоянии Гоголя.

Ключевые слова: психопатология, душевнобольной, психиатрические интерпретации, бездоказательность

The article proves groundless the idea about Gogol's psychopathological state of which was imposed society.

Key words: psychopathology, mentally ill, psychiatric interpretation, groundlessness.

"Как бы то ни было, но чтобы произвести полный суд над чем бы то ни было, нужно быть выше того, которого судишь. ... выводить обо всём человеке, объявлять его решительно помешавшимся, сошедшим с ума, называть лжецом и обманщиком, надевшим личину набожности, приписывать подлые и низкие цели – это такого рода обвинения, которых я бы не в силах был взвести даже на отъявленного мерзавца, который заклеймён клеймом всеобщего презрения. ... прежде чем произносить такие обвинения, следовало бы хоть сколько-нибудь содрогнуться душою и подумать о том, каково было бы нам самим, если бы такие обвинения обрушились на нас публично, в виду всего света. Не мешало бы подумать, прежде чем произносить такое обвинение: "Не ошибаюсь ли я сам? Ведь я тоже человек. Дело здесь душевное. Душа человека – кладёзь, не для всех доступный иногда, и на видимом сходстве некоторых признаков нельзя основываться. Часто наискуснейшие врачи принимали одну болезнь за другую и узнавали ошибку свою только тогда, когда разрезывали уже мёртвых труп".

Н. В. Гоголь "Авторская исповедь"

В. Г. Белинский советовал "спешить лечиться". И. С. Тургенев, посетивший Гоголя в 1851 г. вместе с М. С. Щепкиным, вспоминал, что "ехали к нему, как к необыкновенному, гениальному человеку, у которого что-то тронулось в голове... Вся Москва была о нём такого мнения. "Душевнобольной – негативная оценка. Психиатрические интерпретации о личности Гоголя применялись по аналогии, индуктивно, не видя живого человека. Например, психиатр В. Ф. Чиж стал экспертом в

воображаемом суде над Гоголем, как бы совершавшем преступные действия [1]. Но сравнения, аналогии, богатый клинический опыт В. Ф. Чижка – не доказательства в суде. В юридической практике аналогия вытесняет одно эмпирическое представление другим, похожим, аналогичным. Это называется "отводить глаза", подтасовывать факты под нужную версию, гипнотизировать публику, изображая условное как безусловное, относительное как абсолютно истинное. Пример – доказательства и психологические знания прокурора в "Братьях Карамазовых". Если объяснять внешним образом предмет исследования, душу Гоголя – значит сознаться, что её нельзя понять. Аналогия – условная, объяснительная редукция.

Ставят шизофрению не только Гоголю, а и Сократу, Христу, Жанне д'Арк, Ньютону, Кьеркегору, Эйнштейну [2]; ставят психоз литературным персонажам Дон Кихоту, Гамлету, Чацкому, Ставрогину. Врачи занялись демедицинизацией психиатрии [3]. Гамлет говорил с тенью отца, психиатр – с тенью тени? Фрейд находит эдипов комплекс у Леонардо да Винчи, Шекспира, Достоевского и др. Симулякры – семиотические знаки без обозначаемого, мнимость, мир идей Платона. Заочно-посмертный диагноз психиатра – не "клиницизм", нет цели лечения (помощи) человеку, а суд над личностью, навешивание ярлыка психопатологии. Гиппократ сетовал: "Медицина поистине есть самое благородное из всех искусств. Но по невежеству тех, которые занимаются ею, и тех, которые с легкомысленной снисходительностью судят их, она далеко теперь ниже всех искусств. И, по моему мнению, причиной такого падения служит больше всего то, что в государствах одной лишь медицинской профессии не определено никакого другого наказания, кроме бесчестия, но это последнее ничуть не задевает тех, от которых оно неотделимо. Мне кажется, что эти последние весьма похожи на тех лиц, которых выпускают на сцену в трагедиях, ибо как те принимают наружный вид, носят одежду и маску актёра, не будучи, однако, актёрами, так точно и врачи; по званию их много, на деле же – как нельзя менее" [4].

По мнению врача П. Ю. Мёбиуса (1853–1907), психопатология делится на экзогенный и эндогенный регистры. Душа – незавершённое, свободное становление бытия-в-мире. Карл Ясперс пишет: "Человек не ограничивается тем, что в нём доступно познанию. ... В конечном счёте мы осознаём беспредельность человеческого и сталкиваемся с некоторыми неизбежно возникающими вопросами, ответы на которые невозможно найти на путях эмпирического исследования. ... их освещение входит в компетенцию философии" [5]. Все теории в психиатрии – способы группировки феноменов, лишь внешне аналогичные теориям

естествознания. Психиатр моделирует сам себя как самодостаточную и единственно интеллектуальную сущность, базируясь на идее а priori о единственно возможной норме "правильного" социального поведения. Реальность сознания сложнее. К. Ясперс пишет: "Нозологическая единица прогрессивного паралича – это единица чисто неврологическая, гистологическая, этиологическая. Что касается событий психической жизни при прогрессивном параличе, то в них нет ничего характерного – если не считать общего разрушения мозга" [6]. Шизофрения – как бы оркестр без дирижёра или без царя в голове, комплекс продуктивных и негативных симптомов, по врачу Дж. Джексону (1835–1911). Диагноз до сих пор носит гипотетический, конвенциональный характер. Нет биологических анализов на шизофрению [7]. Психиатр – эксперт в больной ментальности, объективный наблюдатель другого "я", уверенный, что сам он в здравом уме. Возможна иная интерпретация:

Кто, по морю пустясь, тревожит лоно вод,
Тот видит, что земля, но не корабль плывёт.

Иллюзию здравого ума показал апостол Павел: "Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, – сила Божия. Ибо написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну. Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? ... мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, ... потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков" (1 Коринф. 1, 18–25). Понять другого – герменевтический круг, толкование сознания во времени до точки смерти, как философское чтение трансценденции. Мнения психиатров о Гоголе сами нуждаются в дешифровке, снятии объяснительной редукции сциентизма. Если упускаем абсолютный ориентир, то окажемся во власти мнений. К. Ясперс предостерегал: "... кто философствует, должен давать объяснения. Если существование Бога подвергается сомнению, философ должен дать ответ: или он не покидает поля скептической философии, в которой вообще ничто не утверждается и не отрицается, или же, ограничиваясь предметно определённым знанием (что значит – научным знанием), он прекращает философствовать, руководствуясь тезисом: что знать невозможно, о том следует молчать" [8]. Несокрушимая логика киплингских бандерлогов разубеждению не поддаётся: "Это правда, потому что мы все так говорим". Абу Али Ибн Сина (980–1037) шутил:

С ослами будь ослом, не обнажай свой лик.
Ослейшего спроси, он скажет: "Я – велик!"
А если у кого ослиных нет ушей,

Тот для ословства явный еретик.

Основатель позитивизма (научного реализма в терминах А. И. Герцена) О. Конт сам был болен: "Великий мыслитель Огюст Конт, основатель позитивной философии, впродолжение десяти лет лечился у Эскироля от психического расстройства и затем по выздоровлении без всякой причины прогнал жену, которая своими нежными попечениями спасла ему жизнь. Перед смертью он объявил себя **апостолом** и **священнослужителем** материалистической религии, хотя раньше сам проповедовал уничтожение всякого духовенства. В сочинениях Конта, рядом с поразительно глубокими положениями, встречаются чисто безумные мысли, вроде той, например, что настанет время, когда оплодотворение женщины будет совершаться без посредства мужчины" [9].

Надёжность психиатрической экспертизы повышается при участии независимых специалистов, представляющих разные стороны в суде истории. Апостол Павел также показался судье Фесту "безумцем" (Деяния XXVI). Правоприменительная практика постулирует **презумпцию психического здоровья**, постановка психиатрического диагноза юридически является исключительным правом лечащего врача. Ломброзо, Н. Н. Баженов, В. Ф. Чиж, И. Д. Ермаков, Д. Е. Мелехо не лечили Гоголя. Его лечащим врачом был А. Т. Тарасенков [10]. Подлинная рукопись имеет существенные разночтения с изданным в 1902 г. текстом "записок врача" [11]. Например, О. В. Варвинский ставил диагноз соматической болезни – гастроэнтерит, предупреждая об опасности мер, предложенных Овером. Есть свидетельство о ясном сознании Гоголя фельдшера А. Н. Зайцева [12]. Никакого "душевного перелома" у Гоголя не было, как и "деградации" творчества; он сознательно выбрал путь исихазма и аскетизма.

В письме из Парижа от 28 мая (9 июня) 1847 г. Владимир Алексеевич Муханов писал: "Отсюда в воскресенье уехал Гоголь, который провёл здесь неделю в одной гостинице с нами. Мы почти каждый день обедали с ним у Толстых, здоровье его совершенно поправилось; он всё время был весел, разговорчив и бодр, одним словом – другой человек, а не тот, которого мы встретили прошлым летом в Остенде. Путешествие его в Иерусалим не совершилось, потому что вырученные за последнюю книгу деньги пришли поздно, а без них не с чем было пуститься в дальний путь. Кстати о книге: удивительно, что после критик, больше жестоких и исполненных остервенения, он не только вовсе не раздражён, но, напротив, покойнее и светлее духом прежнего. Вяземский прислал брату статью свою о Языкове и Гоголе; он один, кажется, из печатных судей понял сочинителя Переписки с друзьями, и объяснил удовлетворительно, почему произошло

недоумение между Гоголем и его ценителями по поводу последней книги: невозможно единомыслие при воззрении на предметы с противоположных точек" [13]. Братья Мухановы, друзья Николая Васильевича, видели в нём христианина. Гоголь желал именно этого к себе отношения, писал матери в июне 1844 г.: "И среди самой просвещённой столицы куются и ткуются всякие нелепицы, да и весь человек есть ложь. Я не знаю, какие слухи до вас дошли, но... Старайтесь лучше видеть во мне христианина и человека, чем литератора" [34, т. XII, с. 323–324]. Я не интерпретирую как "психоз" соблюдение поста, любовь к Литургии, посещение монастырей, паломничество в Иерусалим, увлечённое чтение отцов Церкви, безбрачие, переписку с монахами, сожжение второго тома "Мёртвых душ", предсмертную записку: "Помилуй меня грешного. Прости Господи! Свяжи вновь сатану таинственной силою неисповедимого Креста" [14].

Владислав Ходасевич вспоминал: "В начале революции, в Москве, ко мне пришёл мой знакомый психиатр И. Д. Ермаков и предложил мне прослушать его исследование о Гоголе... Я был погружён в бурный поток хитроумнейших, но совершенно фантастических натяжек и произвольных умозаключений, стремительно уносивших исследователя в чёрный омут нелепицы. Таким образом мне довелось быть если не умилённым, то всё же первым свидетелем "младенческих забав" русского литературного фрейдизма. В начале двадцатых годов труд Ермакова появился в печати – и весь литературоведческий мир, можно сказать, только ахнул и обомлел, после чего разразился на редкость дружным и заслуженным смехом" [15]. Есть показания Ольги Васильевны Головни (в девичестве Гоголь). Много сообщила О. В. Гоголь об *anamnesis vitae et morbi*. Мемуары записал А. Н. Мошин [16], переиздали в Киеве [17]. В 1851 году о ясном уме Гоголя свидетельствует Г. П. Данилевский [18].

Влияние Матфея Константиновского позитивисты оценили как в кривом зеркале (К. В. Мочульский [19], В. В. Зеньковский [20], В. А. Воропаев [21]). Ложно психиатры, включая Д. Е. Мелехова, интерпретировали поведение пастыря: "Его духовный руководитель, не принимая во внимание состояние больного, предъявлял к нему строго аскетические требования... советовал бросить всё и идти в монастырь, а во время последнего приступа привёл Гоголя в ужас угрозами загробной кары" [22].

Ошибочна трактовка письма Гоголя к отцу Матфею Константиновскому от 24 сентября 1847 г.: "Не знаю, сброшу ли я имя литератора, потому что не знаю, есть ли на это воля Божия... Если бы я знал, что на каком-нибудь другом поприще могу действовать лучше

во спасенье души моей и во исполнение всего того, что должно мне исполнить, чем на этом, я бы перешёл на то поприще. Если бы я узнал, что я могу в монастыре уйти от мира, я бы пошёл в монастырь. Но и в монастыре тот же мир окружает нас..." [34, т. XIII, с. 390–391]. Это говорит о монашеских стремлениях, но не о том, что именно отец Матфей их внушал. В 1845 г. Николай Васильевич предпринял шаг стать монахом, до знакомства с отцом Матфеем. Во-вторых, письмо Гоголя за 1847 г. было ложно понято полвека спустя историком Николаем Платоновичем Барсуковым, что отец Матфей "советует Гоголю бросить имя литератора и идти в монастырь" [23]. Фразу, выделенную Барсуковым курсивом, стали брать в кавычки **совершенно неправильно** как слова священника. Пастырь говорил иное: "Слушаться Духа, в нас живущего, а не земной телесности нашей; ... оставивши все хлопоты и вещи мира... поворотить во внутреннюю жизнь", (письмо Гоголя к А. П. Толстому, август 1847 г.) [34, т. XII, с. 366]. Последняя встреча с отцом Матфеем была в феврале 1852 г. Содержание беседы передал протоиерей Федор Образцов [24]. Отец Матфей в письме к Гоголю, дошедшем документе, на который можно **научно опереться**, писал: "Человек может и должен расти в вере и благочестии, но постепенно" [25].

Гоголю диагностируют мысли о самоубийстве. Контраргумент в дневнике Екатерины Александровны Хитрово. 27 января 1851 г. записано в связи обсуждением Евангелия: "Претерпевый же до конца, той спасется". На фразу Е. А. Хитрово: "Замечательный стих, единственный, который против самоубийства" – Гоголь возразил: "Это такой нелепый грех, что невозможно было Христу о нём говорить. К чему?" [26].

Мелехов писал: "Состояние настолько тяжёлое, что повеситься или утопиться кажется ему единственным выходом. "Молитесь, друг мой, да не оставит меня Бог в минуты невыносимой скорби и уныния". Здесь речь о письме Гоголя к П. А. Плетнёву от 20 февраля 1846 г., где сказано: "Весь минувший год так был тяжёл, что я дивлюсь теперь, как вынес его. Болезненные состояния до такой степени (в конце прошлого года и даже в начале нынешнего) были невыносимы, что повеситься или утопиться казалось как бы похожим на какое-то лекарство и облегчение. А между тем Бог был так милостив ко мне в это время, как никогда дотолё. Как ни страдало моё тело, как ни тяжка была моя болезнь телесная, душа моя была здорова" [34, т. XIII, с. 38]. Обрывочная цитата Мелехова, помещённая обратно в ткань целого, наоборот, оптимистична. Сонет № 66 Шекспира звучит суицидно без последних строк. Две строки о любви меняют смысл сонета на смиренный гимн любви. И слова Гоголя надо понять в контексте, не

интерпретируя выхваченную часть. Игнорировать даже запятую **ошибка герменевтики**: казнить, нельзя помиловать – казнить нельзя, помиловать.

Кроме того, вторая часть цитаты "Молитесь, друг мой, да не оставит меня Бог в минуты невыносимой скорби и уныния", приведённая Мелеховым неточно, не слова Гоголя к Языкову, как ошибся врач, а из письма Н. Н. Шереметовой от 5 июня 1845 г.: "Молитесь, друг мой, обо мне. Ваши молитвы мне нужны были всегда, а теперь нужнее, чем когда-либо прежде. Здоровье моё плохо совершенно, силы мои гаснут; от врачей и от (их) искусства я не жду уже никакой помощи, ибо это физически невозможно; но от Бога всё возможно. ... Я слишком знаю, что нельзя зажечь уже светильника, если не стало масла. Но знаю, что есть сила, которая и в мёртвом воздвигнет дух жизни, если восхочет, и что молитва угодных Богу душ велика перед Богом. Молитесь, друг мой, да не оставляет меня в минутах невыносимой скорби и уныния... Молитесь, да укрепит меня и спасёт меня" [34, т. XII, с. 492].

Гоголь писал в 1846 г. к П. А. Плетнёву: "Как ни страдало моё тело, как ни тяжела была моя болезнь телесная, душа была моя здорова; даже хандра, которая приходила прежде в минуты более сносные, не посмела приближаться. И те душевные страдания, которых доселе я испытал много и много, замолкнули вовсе" [34, т. XIII, с. 38–39]. Н. М. Языкову от 26 февраля 1846 г.: "Богу угодно посылать мне такие недуги, каких прежде никогда не было. Тяжело, тяжело, иногда так приходится тяжело, что хоть, просто, повеситься. Но верю и даже слышу, что всё это во благо, и благословляю Бога за всё. ... и в эти тяжёлые минуты не оставляло меня милосердие его. Как ни сильны были телесные недуги, но душа моя не болела и хандра не приходила. ... Бог милостив, и я твёрдо надеюсь..." [34, т. XIII, с. 40]. Графиням Виельгорским от 7 апреля 1846 г.: "Что вам сказать о моём здоровье телесном? Оно очень незавидно. Но благодарю за него Бога. Оно так быть должно. Не без высшей воли повелено ему так быть. ... У него всё, что им повелевается, повелевается к добру. Моё душевное здоровье лучше прежнего и виной этого может, отчасти телесный недуг... к выздоравливанью душевному" [34, т. XIII, с. 51]. Типичные слова человека, решившего вешаться и топиться? Ведь кузнец Вакула повесился, утопился. Сама видела, своими глазами?

Есть показания А. С. Стурдзы, Н. В. Неводчикова, княжны В. Н. Репниной, Н. Г. Троицкого, А. Л. Деменитру, Н. Д. Мизко, актёра Толченова о Гоголе в Одессе в 1850–1851 гг., исключают психопатологию [27]. Л. И. Арнольди свидетельствовал: "Кто знал Гоголя

коротко, тот не может не верить его признанию, когда он говорит, что большую часть своих пороков и слабостей он передавал своим героям, осмеивал их в своих повестях и таким образом избавлялся от них навсегда. Я решительно верю этому наивному откровенному признанию. Гоголь был необыкновенно строг к себе, постоянно боролся с своими слабостями и от этого часто впадал в другую крайность и бывал иногда так странен и оригинален, что многие принимали это за аффектацию и говорили, что он рисуется. Много можно привести доказательств тому, что Гоголь действительно работал всю свою жизнь над собою, и в своих сочинениях осмеивал часто самого себя. Вот, покуда, что известно и чему я был свидетель. Гоголь любил хорошо поесть и в состоянии был, как Петух, толковать с поваром целый час о какой-нибудь кулебяке... А между тем очень редко позволял себе такие увлечения и был в состоянии довольствоваться самою скудною пищею, и постился иногда как самый строгий отшельник, а во время говенья почти ничего не ел. Гоголь очень любил и ценил хорошие вещи и в молодости, как сам он мне говорил, имел страстишку к приобретению разных ненужных вещей: чернильниц, вазочек, пресс-папье и проч. Страсть эта могла бы, без сомнения, развиться в громадный порок Чичикова – хозяина-приобретателя. Но, отказавшись раз навсегда от всяких удобств, от всякого комфорта, отдав своё имение матери и сёстрам, он уже никогда ничего не покупал, даже не любил заходить в магазины и мог, указывая на свой маленький чемодан, сказать скорее другого: *omnia mea tecum porto*, – потому что с этим чемоданчиком он прожил почти тридцать лет, и в нём действительно было всё его достояние. Когда случалось, что друзья, не зная его твёрдого намерения не иметь ничего лишнего и затейливого, дарили Гоголю какую-нибудь вещь красивую и даже полезную, то он приходил в волнение, делался скучен, озабочен и решительно не знал, что ему делать. Вещь ему нравилась, она была в самом деле хороша, прочна и удобна; но для этой вещи требовался и приличный стол, необходимо было особое место в чемодане, и Гоголь ... успокаивался только тогда, когда дарил её кому-нибудь из приятелей. Так в самых безделицах он был твёрд и непоколебим. Он боялся всякого увлечения. Раз в жизни удалось ему скопить небольшою капитал, кажется, в 5000 рублей серебром, и он тотчас же отдал его, под большою тайною, своему приятелю профессору* для раздачи бедным студентам, чтобы не иметь никакой собственности и не полу-

* Имеется в виду С. П. Шевырёв (что подтверждают воспоминания Н. В. Берга). Подобные поручения Гоголя-мецената выполнял и П. А. Плетнёв.

чить страсти к приобретению; а между тем через полгода уже сам нуждается в деньгах и должен прибегнуть к займам. ... Через несколько дней я встретил Гоголя на Тверском бульваре, и мы гуляли вместе два часа. Разговор зашёл о современной литературе. Я прежде никогда не видал у Гоголя ни одной книги, кроме сочинений отцов церкви и старинной ботаники, и потому весьма удивился, когда он заговорил о русских журналах, о русских новостях, о русских поэтах. Он всё читал и за всем следил. О сочинениях Тургенева, Григоровича, Гончарова отзывался с большой похвалой. "Это всё явления утешительные для будущего, – говорил он. – Наша литература в последнее время сделала крутой поворот и попала на настоящую дорогу. Только стихотворцы наши хромают, и времена Пушкина, Баратынского и Языкова возвратиться не могут!" ... В одно утро Гоголь явился ко мне с предложением ехать недели на три в деревню к сестре. Я на несколько дней получил отпуск, и мы отправились. Гоголь был необыкновенно весел во всю дорогу и опять смешил меня своими малороссийскими рассказами; потом, не помню уже каким образом, от смешного разговор перешёл в серьёзный. Гоголь заговорил о монастырях, о их общественном значении в прошедшем и настоящем. Он говорил прекрасно о монастырской жизни, о той простоте, в какой живут истинные монахи, о том счастье, какое находят они в молитве ... "Вот, например, – сказал он, – вы были в Калуге, а ездили ли вы в Оптину пустынь, что подле Козельска? ... я на перепутьи всегда заезжаю в эту пустынь и отдыхаю душой. Я хорошо знаю и настоящего отца Моисея" [28].

Вспоминает дочь А. О. Смирновой, Ольга Николаевна: "Гоголь, которого я встречала беспрестанно в Риме, в Ницце, в Бадене, был для меня свой человек и считался у нас обычным явлением. Я помню, что мы с сестрою, с которой были приблизительно одних лет и вместе учились, находили Жуковского приятным, весёлым и ласковым. Гоголь также нам казался весёлым, так как часто шутил с нами. Вообще в то время он ещё не был так нездоров, хотя уже в Риме к нему привязалась **malaria**. После этого лета, проведённого им в Германии, при возвращении в Рим с ним сделались особенно сильные припадки римской лихорадки и тот ужасный припадок в Неаполе, когда он чуть не умер, и от которого только спас его врач, отправивший его едва живого морем в Геную. ... Но с 1846 года здоровье Гоголя уже никогда не поправлялось. С тех пор он подвергался трёхдневным лихорадкам, всякий раз, как попадал в местность, где они царят. Он схватил такую лихорадку в Одессе, возвращаясь из Палестины (в 1848 г.). Припадок этой болезни, осложнённый гастритом, и свёл его в могилу. Вначале

он мало заботился о своей болезни, полагая, что это просто обыкновенный припадок трёхдневной лихорадки, и ограничивался лишь строгой диетой. В то время (зима 1852 г.) в Москве свирепствовал злокачественный гастрит. От него умерла в том же году одна из наших двоюродных сестёр. Доктора и тут, как и у Гоголя, не поняли болезни, они ничего не знали о малярии, между тем как она, как возвратная лихорадка, может с двух припадков унести человека. Я останавливаюсь на этом, потому что так много говорилось про болезнь Гоголя и о ней распространялись самые нелепые слухи. Дошли до того, что уверяли, будто бы он из мистицизма уморил себя голодом! Странное понятие о религиозности. Всё это должно быть ещё раз пересмотрено в литературе, на основании документов и показаний знакомых и друзей Гоголя, к которым принадлежала моя мать и моя семья" [29].

Настроение Гоголя было противоположно симулякрам психиатров. В статье "Значение болезней" в 1846 г. он писал, обращаясь к А. П. Толстому: "Часто бывает так тяжело, такая страшная усталость чувствуется во всём составе тела, что рад бываешь, как Бог знает чему, когда, наконец, оканчивается день и доберёшься до постели. Часто, в душевном бессилии, восклицаешь: Боже! Где же, наконец, берег всего? Но потом, когда оглядываешься на самого себя и посмотришь глубже себе внутрь – ничего уже не издаёт душа, кроме одних слёз и благодарения. О! как нужны нам недуги! Из множества польз, которые я уже извлёк из них, скажу вам только одну: ныне каков я ни есть, но я всё же стал лучше, нежели был прежде; не будь этих недугов, я бы задумал, что стал уже таким, каким мне следует быть. ... Не будь тяжких болезненных страданий, куда б я теперь не занёсся! каким бы значительным человеком вообразил себя! Но, слыша ежеминутно, что жизнь моя на волоске, что недуг может остановить вдруг тот труд мой, на котором основана вся моя значительность, и та польза, которую так желает принести душа моя, останется в одном бессильном желании, а не в исполнении, и не дам я никаких процентов на данные мне Богом таланты, и буду осуждён, как последний из преступников... Слыша всё это, смиряюсь я всякую минуту и не нахожу слов как благодарить небесного Промыслителя за мою болезнь. Принимайте же и вы покорно всякий недуг, веря, вперёд, что он нужен. Молитесь Богу только о том, чтобы открылось перед вами его чудное значение и вся глубина его высокого смысла" [34, т. VIII, с. 228–229]. Гоголь создавал зависимость человека от Бога. Подобные мысли у врага народа Костоглотова из "Ракового корпуса" А. И. Солженицына: "Один философ сказал: если бы человек не болел, он не знал бы себе границ" [30]. В. В. Розанов, обсуждая

легенду о великом инквизиторе, заметил: "Знаешь-ли Ты, говорит он, что пройдут века и человечество провозгласит устами своей премудрости и науки, что преступления – нет, а стало быть – нет и греха, а есть лишь только голодные. Ибо тайна бытия человеческого заключается не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить. Без твёрдого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить, и скорее истребит себя, чем останется на земле, – хотя бы кругом его всё были хлебы" [31]. В конце жизни В. В. Розанов осознал правоту Гоголя и свои ошибки ("ты победил, упрямый хохол!").

Гоголя интересовал "человек и душа человека" (письмо М. П. Погодину от 8 июля 1847 г.). Размышлять о вере, церкви, смысле бытия, значит искать главную истину. Богословие – не монополия семинариста. Гоголь пояснял Белинскому: "Что до политических событий, само собой умирилось бы общество, если бы примиренье было в духе тех, которые имеют влияние на общество. А теперь уста ваши дышат желчью и ненавистью. ... Вы сгорите, как свечка, и других сожжёте! О, как сердце моё ноет (в эту минуту за вас!) ... Ваш светлый ум отуманился. ... Вам следовало поудержаться клеймить меня теми обидными подозрениями, какими я бы не имел духа запятнать последнего мерзавца (мерзавца, изверженного из общества). ... Как мне защищаться против ваших нападений, когда нападения невпопад? ... Зачем напоминать о святости званья? Да, мы должны даже друг другу напоминать о святости наших обязанностей и званья. Без этого человек погрязнет в материальных чувствах. ... Если же правительство огромная шайка воров, или вы думаете, этого не знает никто из русских? ... всякий думает только о себе и о том, как бы себе запасти потеплей квартиру? Вы говорите, что спасенье России в европейской цивилизации. Но какое это беспредельное и безграничное слово. Хоть бы вы определили, что такое нужно разуметь под именем европейской цивилизации, которое бессмысленно повторяют все. ... Вы отделяете церковь от Христа и христианства... до каких ребяческих выводов доводит неверный взгляд на главный предмет... Общество образуется само собою, общество слагается из единиц. Надобно, чтобы каждая единица исполнила должность свою... Нужно вспомнить человеку, что он вовсе не материальная скотина, но высокий гражданин высокого небесного гражданства. Покуда он хоть сколько-нибудь не будет жить жизнью небесного гражданства, до тех пор не придёт в порядок и земное гражданство. Вы говорите, что Россия долго и напрасно молилась. Нет, Россия молилась не напрасно..." [34, XIII, с. 435–443].

Літэратура

1. Чиж В. Ф. Болезнь Н. В. Гоголя / В. Ф. Чиж. – СПб., 1904. – 196 с.
2. Сергеев И. И. Психиатрия и наркология : учебник для студентов медицинских ВУЗов / И. И. Сергеев, Н. Д. Лакосина, О. Ф. Панкова. – М., 2009. – С. 379.
3. Скавыш В. А. Психопатология у Гоголя или "мёртвые души" психиатров? / В. А. Скавыш // Седьмые гоголевские чтения в доме-музее Н. В. Гоголя : матер. Междун. научн. конф. – М., 2008. – С. 355–364 ; Скавыш В. А. "Мёртвые души" ... психопатологов? / В. А. Скавыш // X Гоголевские чтения : сб. науч. статей Полтавского национального педагогического университета имени В. Г. Короленко. – Полтава, 2011. – С. 117–123.
4. Гиппократ. Закон. Избранные книги / Гиппократ ; пер. с греч. В. И. Руднева. – М., 1994. – С. 93.
5. Ясперс К. Общая психопатология / К. Ясперс ; пер. с нем. – М., 1997. – С. 676.
6. Там само. – С. 685.
7. Фуко Мишель. История безумия в классическую эпоху / Мишель Фуко ; пер. с франц. – СПб., 1997.
8. Сас Томас. Фабрика безумия / Томас Сас ; пер. с англ. – Екатеринбург, 2008. – 512 с.
9. Сас Томас. Миф душевной болезни / Томас Сас ; пер. с англ. – М., 2010. – 421 стр.
10. Ясперс К. Введение в философию / К. Ясперс ; пер. с нем. – Минск : Изд-во БГУ, 2000. – С. 42.
11. Ломброзо. Гениальность и помешательство / Ломброзо ; пер. с итал. – СПб., 1892. – С. 61.
12. Тарасенков А. Т. Последние дни жизни Николая Васильевича Гоголя / А. Т. Тарасенков. – 2-е, изд. дополн. по рукописи. – М., 1902. – 33 с.
13. Бельшева А. Тайна смерти Гоголя / А. Бельшева // Нева. – 1967. – № 3. – С. 172–173.
14. Воропаев В. А. Из воспоминаний о смерти Гоголя / В. А. Воропаев // Литературная учёба. – Кн. 5/6. – 2000. сентябрь–декабрь – С. 180–187.
15. Миловский Н. К биографии Н. В. Гоголя (О знакомстве его с братьями Мухановыми) / Н. Миловский. – М. : Университетская типография, 1902. – 16 с.
16. Воропаев В. А. Гоголь над страницами духовных книг / В. А. Воропаев. – М., 2002. – С. 96–97 (Предсмертные автографы Н. В. Гоголя).
17. Ходасевич В. Книги и люди. Курьёзы психоанализа / В. Ходасевич // Возрождение. – Париж, 1938.
18. Мошин А. Н. Ясная Поляна и Васильевка / А. Н. Мошин. – СПб., 1904. – С. 49–66.
19. Гоголь-Головня О. В. Из семейной хроники Гоголей / О. В. Гоголь-Головня. – К., 1909. – С. 6–59.

20. Данилевский Г. П. Знакомство с Гоголем / Г. П. Данилевский // Гоголь в воспоминаниях современников. – М., 1952. – С. 434–447.
21. Мочульский К. В. Духовный путь Гоголя / К. В. Мочульский. – Париж, 1934.
22. Зеньковский В. В. Гоголь / В. В. Зеньковский. – Париж, 1961.
23. Воропаев В. А. Гоголь и отец Матфей (приложение к газете "Православная Пермь") / В. А. Воропаев. – Пермь, 2000.
24. Мелехов Д. Е. Психиатрия и проблемы духовной жизни / Д. Е. Мелехов // Русское Возрождение. – Нью-Йорк ; Париж ; Москва, 1989. – № 47–48. – Т. 8 : Настольная книга священнослужителя.
25. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина / Н. П. Барсуков. – СПб., 1894.
Кн. 8. – 1894. – С. 571.
26. Тверские Епархиальные Ведомости. – 1902. – № 5, 1 марта. – С. 138–139. – (Воспроизведение протоиереем Феодором Образцовым по памяти разговора между Т. И. Филипповым и отцом Матфеем).
27. Дурылин С. Н. Неизвестное письмо о. Матфея к Гоголю / С. Н. Дурылин // Весы. – 1909. – № 4. – С. 65.
28. Хитрово Е. А. Гоголь в Одессе 1850–1851 / Е. А. Хитрово // Русский архив. – 1902. – № 3. – С. 552.
29. Маркевич А. И. Гоголь в Одессе / А. И. Маркевич. – Одесса, 1902. – 34 с.
30. Арнольди Л. И. Моё знакомство с Гоголем / Л. И. Арнольди // Гоголь в воспоминаниях современников / Л. И. Арнольди. – М., 1952. – С. 472–492.
31. Записки А. О. Смирновой, урождённой Россет с 1825 по 1845 гг. и. – М., 1999. – С. 19–20.
32. Солженицын А. И. Раковый корпус / А. И. Солженицын. – Петрозаводск, 1991. – С. 129.
33. Розанов В. В. Легенда о великом инквизиторе. Две статьи о Гоголе / В. В. Розанов. – Мюнхен, 1970. – С. 131–138.
34. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений : в 14 т. / Н. В. Гоголь. – М. ; Л., 1937. – 1952.